

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Издатель А. А. Иосифович.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

Реданторъ А. Н. Стояновъ.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

№ 143.

ХАРЬКОВЪ, ВОСКРЕСЕНЬЕ 31 Мая (12 Юня) 1881 года.

ГОДЪ I.

По случаю праздника св. Троицы, слѣдующій № газеты выйдетъ во вторникъ, 2 Юня.

ОТДѢЛЬНЫЕ ЛЕЖА „ЮЖНАГО КРАЯ“ ПРОДАЮТСЯ по 6 К.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,

1881 ГОДА.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Город. безъ доставки	10 50	10	—	9 25	8 50	7 75	7	—	5 40	4 50	3 50	2 40
Город. съ доставкой	12	—	11 50	10 75	10	—	9 10	8 20	7	—	6 30	5 20
Изгородные	12 50	12	—	11 25	10 25	9 50	8 50	7 50	6 60	5 60	4 50	3 20

Допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ по соглаш. съ главной конторой газеты. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа наждого мѣсяца, но на каждыи срокъ простирается не далѣе какъ до конца 1881 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ редакціи газеты въ г. Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Императорскаго Харьковского Университета, № 7-й, при „Публичной Библиотекѣ“ А. А. Иосифовича; ТАМЪ ЖЕ принимаются **ОБЪЯВЛЕНИЯ.**

Кромѣ того, подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ Н. Г. Мартынова и „Новое Время“; въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова; въ Кіевѣ въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ Одессѣ въ книжномъ магазинѣ В. И. Блума; въ Полтавѣ въ книжномъ магазинѣ Г. И. Войно-Родовича и въ Кременчугѣ, у нотаріуса И. Ф. Зинбергеря.

ОБЪЯВЛЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ: изъ Франціи исключительно въ Парижѣ—у Havas, Lafite et Co, 8 Place de la Bourse; въ Швейцаріи въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петровскій, домъ Соловьиной, въ Петербургѣ—въ той же конторѣ на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Струбинскаго и въ Варшавѣ—въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ на Сенаторской улицѣ, въ домѣ № 22.

ЖЕЛАЮТЪ КУПИТЬ

Имѣние въ одной изъ черноземныхъ губерній, недалеко отъ станціи желѣзной дороги, отъ 300 до 3,000 десятинъ. Подробное описаніе просить доставлять: Москва, Большая Дмитровка, д. Сивцева, Александру Михайловичу Мосееву. (№ 1072) 6—1

ХАРЬКОВЪ.

30-го мая 1881.

СОДЕРЖАНІЕ:

Харьковъ, 30-го мая 1881 года.
Речь доц. харьков. ун-та П. И. Морозова на юбилей Пирогова.
Историческая хроника. Городская дума—Харьковъ, уѣздъ земск. собраніе.
Телеграммы: (отъ спеціальной корреспондентки „Южнаго Края“ и отъ „Международнаго телеграфнаго агентства“).
Внутреннія извѣстія: Корреспонденціи „Южнаго Края“ изъ Усмани, Таганрога и Романа. —Административныя извѣстія: —Извѣстія изъ газетъ.
Обозрѣнія газетъ и журналовъ.
Политическое обозрѣніе.
Губернская хроника: Харьковскій окружной судъ.
Календарь.
Справочныя свѣдѣнія.
Фельетонъ: Солдатскій театръ, Ф.—ка.
Объявленія.

СОЛДАТСКИЙ ТЕАТРЪ.

Масляницу этого года я провелъ въ одномъ изъ нашихъ южныхъ городовъ, въ Таганрогѣ. Изъ всѣхъ развлеченій, благотворительныхъ и неблагопріятельныхъ, которыми кишатъ въ эти дни всѣ города наши, и большіе, и малые, ни одно не доставило мнѣ такого глубокаго, искреннаго удовольствія, какъ случайно видѣнный мною здѣсь солдатскій театръ.

Мнѣ уже часто приходилось прежде слышать о различныхъ пьесахъ, разыгрываемыхъ солдатами по праздникамъ, зналъ я и о существованіи мифическаго „Императора Максимилиана и непокорнаго сына его Рудольфа“, но мнѣ никогда не приходилось видѣть такихъ спектаклей. Совершенно случайно я узналъ, что солдаты здѣшней артиллерійской бригады на масляницу дѣлаютъ несколько дней подъ рядъ дають спеціальнаго представленія въ своихъ помѣщеніяхъ, въ казармахъ; что входятъ туда по билетамъ они разсылаютъ различнымъ мѣстнымъ генераламъ. Я съ жаромъ ухватился за этотъ случай, досталъ себѣ билетъ и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ знакомыхъ, отправился.

Всякій, кто читалъ „Записки изъ мертвца дома“ Достоевскаго, помнитъ, конечно, описаніе театральнаго представленія, даннаго арестантами на рождественскихъ праздникахъ. Вы помните, конечно, и тотъ энтузіазмъ, съ которымъ Достоевскій говоритъ объ игрѣ арестантовъ, объ ихъ ужасномъ и изумительномъ исполненіи ролей, о горячей любви и интересѣ ихъ въ этому дѣлу. Можете быть вы, зная любовь Достоевскаго къ простому народу, сочинилъ его описаніе шпилькомъ пристрастнаго и восторженнаго. Гдѣ же все-таки арестантамъ, мужикамъ, грубымъ и невѣжественнымъ, сыграть хотя бы Филатку и Мироску, такъ какъ могутъ играть только люди образованные, съ развитымъ вкусомъ? Если вы думали такъ, то пойдите и

посмотрите солдатскій театръ—и вы убѣдитесь, что разсказъ Достоевскаго безусловно правдивъ и не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго преувеличенія. Я вполнѣ убѣдился въ этомъ теперь, когда увидѣлъ, какъ великопѣно могутъ солдаты схватывать и воспроизводить знакомые имъ типы дѣйствительной жизни.

Небольшое помѣщеніе, служившее театальной залой, было уже почти полно, когда мы пришли. Впереди стояли стулья для „благородныхъ посѣтителей“, затѣмъ рядъ скамеекъ, покрытыхъ холстомъ. Рукописныя афиши: „такого то числа любителями нашими чинами 6-й батареи“ будутъ исполнены: „Шайка разбойниковъ съ Жигулевскихъ горъ“, „Судъ Янелева надъ регистраторомъ“ и „Филатка и Мироска“. Филатка и Мироска—это вдовѣль, который прежде давался и на столичныхъ сценахъ и отсюда перешелъ въ народъ; его видѣлъ и Достоевскій въ острогѣ. Но первая дѣятельница—ужь Богъ ихъ знаетъ! Я совсѣмъ незнакомъ съ тою отраслью нашей литературы, которой присвоено названіе лубочной и которой кормится нашъ низшій грамотный людъ; поэтому я не знаю, были ли эти куріозныя пьесы когда-нибудь напечатаны и циркулируютъ ли они наравнѣ съ „Георгомъ Милордомъ англійскимъ“, и т. п., или же это плодъ народной фантазіи, хранящейся изустно, по преданію. „Шайка разбойниковъ“ это даже не пьеса, потому что она страдаетъ отъ отсутствія дѣйствія, это скорѣе похвѣсть, которую они разыгрываютъ въ лицахъ.

Поднялся занавѣсъ. Маленькая сцена изображаетъ лѣсъ при посредствѣ нарисованныхъ декораций. Эсаулъ Медвѣжій Лапа сообщаетъ публикѣ, что онъ знаетъ пайку удалыхъ молодцовъ, у которыхъ нѣтъ атамана. Онъ хлопаетъ въ ладоши и молодцы, въ числѣ 12 человекъ, въ красныхъ рубахахъ, высыпаютъ на сцену. Эсаулъ говоритъ имъ, что вотъ они, такіе молодцы, а что нѣтъ у нихъ

храбраго атамана, который помогалъ бы имъ находить добычу; онъ знаетъ одного удалаго атамана съ Жигулевскихъ горъ; желаютъ ли они признать его? Всѣ двѣнадцать молодцовъ отвѣчаютъ чисто по солдатски, въ голосъ, такъ что невозможно отличить крика одного отъ крика другого: „желаетъ“. Тогда по зову эсаула, изъ за кулисъ выходитъ атаманъ—огромный дѣтина, съ разбойничьей рожей, театально закутанный въ красный (кумачовый) плащъ—лента чрезъ плечо, пистолетъ и мечъ за поясомъ. Разбойники становятся на колѣни и кланяются поновнѣе ему и не падить никого, поадедета „жидъ ли, татаринъ, аль православный христіанинъ, всѣхъ рѣжетъ, рубитъ, колѣт“. Затѣмъ они поютъ пѣсню и поютъ; атаманъ, въ это время, похаживаетъ по сценѣ и потомъ говоритъ: „храбрый эсаулъ Медвѣжій Лапа!“—„Что приказалъ, храбрый атаманъ Чертовъ Усѣ?“ „Пора нашимъ ребятамъ поспѣвать добычи. Распорядись, чтобы весла были по бортамъ, а добрые молодцы по мѣстамъ“.

По приказанію эсаула, ребята быстро садятся на полу въ два ряда—и все готово. Публикѣ предоставляется фантазія дополнить переѣзную декорацию и воображать, что они ѣдутъ по Волгѣ въ лодкѣ.

„Готово ли, эсаулъ?“—спрашиваетъ атаманъ. „Готово, храбрый атаманъ!“—„Веса?“—„По бортамъ!“—„Добрые молодцы?“—„По мѣстамъ!“—Тогда атаманъ входитъ въ узкое пространство между двумя рядами разбойниковъ, изображающее лодку, и они плывутъ по рѣкѣ за добычей. Атаманъ говоритъ эсаулу, чтобы гребцы сбѣли ему его любимую пѣсню. „Какая жетовая любимая пѣсня?“—„Самая что ни на есть разбойничья пѣснь—Внизъ по матушкѣ по Волгѣ. Разбойники поютъ; впрочемъ, пѣсня эта у нихъ вышла не особенно хорошо; строгій характеръ ея былъ испорченъ солдатской манерой пѣнія—съ присвистомъ, тикомъ и т. п., но очень миль слѣдующій эффектъ:

во все время пѣнія всѣ пѣвцы дружно ударили въ ладоши, не въ тактъ пѣсни, а однообразно, съ одинаковыми промежутками, и не прерывая, когда мотивъ замедляется или ускоряется; это подражаніе мѣрному всплеску весель дѣйствительно удачно.

„Посмотри, мой вѣрный эсаулъ Медвѣжій Лапа, не видишь ли ты чего-нибудь на рѣкѣ?“ говоритъ атаманъ. Эсаулъ вытаскиваетъ огромный военный бинокль (это въ Жигулевскихъ-то горахъ!) и смотритъ. „Вижу!“—говоритъ онъ.—„Что же ты видишь?“ „Вижу я—плыветъ по рѣкѣ колода“. Атаманъ подымаетъ несурзанный крикъ. „Я самъ себѣ воевода! Всѣхъ рублю, колю, столичные города разобью, многихъ людей въ плѣнь заберу. Посмотри, не видишь ли чего?“ Опиетъ смотритъ эсаулъ въ бинокль, опять говоритъ вижу—на этотъ разъ онъ видитъ „на рѣкѣ чернаго“ (sic). „Я самъ знаю, что вездѣ въ землѣ черви, въ лѣсахъ сучки, а въ городахъ полицейскіе крючки, хотѣлъ насъ добрыхъ молодцовъ поймаютъ и въ желѣзо заковать“, еще пуще сердится атаманъ, и набрасывается на эсаула съ градомъ бранныхъ словъ, крикъ такой, что ничего нельзя разобрать. Эсаулъ, выждавъ, когда пройдетъ его пылъ, съ достоинствомъ отвѣчаетъ ему: „такъ то ты, атаманъ, награждаешь меня за вѣрную службу? Хочешь меня карать, на ста бритахъ постель поставь, да въ пятьсотъ палокъ и еще сто въ придачу! Не многовато ли будетъ? Нѣтъ, храбрый атаманъ, ты не долженъ меня карать, ты долженъ меня миловать и награждать“. Атаманъ смягчается—хотя по смыслу пьесы невозможно догадаться, за что онъ на него такъ гнѣвался,—хлопаетъ его по плечу, и общаетъ „его сребромъ и златомъ дарить“. Посмотрѣвъ еще разъ въ бинокль, эсаулъ объявляетъ, что видитъ торговое село, куда предлагаетъ пристать, потому что у ребятъ уже третьи сутки животы подло. По приказанію атамана, они пристаютъ туда, что обходится тоже безъ

всякихъ переѣзъ декораций: гребцы просто встаютъ на ноги. Здѣсь они опять всѣ пьютъ.

Черезъ нѣкоторый промежутокъ времени къ атаману приводитъ парня въ длинномъ сѣромъ зипунѣ, котораго разбойники напѣли въ лѣсу. Парень рассказываетъ свою судьбу: отецъ его былъ богатѣйшій купецъ, имѣлъ три лавки и одинъ подвалъ, но онъ съ отцомъ повздорилъ и, повздоривши, распоролъ ему „спину по самую шею“. Въслѣдствіе этого обстоятельства, теперь онъ скитается по лѣсамъ. „Чѣмъ тебѣ скитаться по лѣсамъ, поступи лучше въ нашу пайку удалыхъ сорванцовъ“.—„Чѣмъ мнѣ скитаться по лѣсамъ, поступи лучше въ вашу пайку удалыхъ сорванцовъ“. Онъ становится на колѣни и даетъ страшную клятву не падать ни отъ отца, ни матери и т. п.

Послѣ этой клятвы—по смыслу дѣйствія видно, что они уже опять въ лѣсу—атаманъ объявляетъ молодцамъ, что они пойдутъ на нижегородскую дорогу поспѣвать, пѣтъ ли добычи, а они пусть его ждуть, и, по первому сигналу бросаются къ нему. Онъ уходитъ, выбравши въ спутники двухъ разбойниковъ, а эсаулъ съ остальными располагается на сценѣ, кто сидитъ, кто стоитъ, и ждуть долго сигнала. И вотъ мы всѣ, и актеры, и публика, сидимъ и ждемъ. Наивность художественнаго приема прелестна! Мнѣ пришло въ голову, что сказалъ бы настоящій актеръ, увидя такое нарушеніе перваго драматическаго правила, чтобы на сцену вышелъ кто-нибудь изъ нихъ, и выбѣжалъ оттуда, таща какого то не то жидъ, не то приказанаго, котораго нѣмилосердно визжитъ, и котораго они думаютъ. За нимъ является атаманъ Чертовъ Усѣ съ пистолетомъ въ рукѣ, съ засученнымъ рукавомъ; онъ страшно-врачаешь очами. Его сопро-

вождаетъ разбойникъ, весело помахивающій небольшимъ дорожнымъ чехомъ. Начинается ликованіе, приказный куда-то исчезаетъ и раздается залихватская пѣсня: „Хороша наша деревня, только улица грязна“. Занавѣсъ падаетъ при дружныхъ рукоплесканіяхъ публики.

Вотъ и все содержаніе „Шайки разбойниковъ съ Жигулевскихъ горъ“. Не правда ли, куріозная пьеса? Исполненіе же ея во многихъ чертахъ напоминаетъ англійскій театръ XVII вѣка; какъ тогда ставили столбъ съ надписью „гостиница“ или „лѣсъ“, такъ и здѣсь такая же беззащитность и глубокое довѣріе къ фантазіи слушателей, которые должны умственно переноситься изъ лѣсу на Волгу, затѣмъ въ село, и опять въ лѣсъ. Какъ тогда, древніе римляне стрѣляли изъ ружей, клялись христіанскими святыми и т. п., такъ и здѣсь разбойники въ Жигулевскихъ горахъ смотрѣли въ военный бинокль. Наконецъ, какъ въ англійскихъ драмахъ того времени всегда фигурировалъ клоунъ, обязанный смѣшить публику, такъ и здѣсь, во все время дѣйствія, одинъ изъ разбойниковъ, то вставлялъ какое-нибудь комическое замѣчаніе, то дѣлалъ рожи или подмигивалъ публикѣ. Напримѣръ, когда новобранецъ давалъ клятву не падать ни отъ отца ни матери, то онъ, обернувшись съ самымъ лукавымъ видомъ къ зрителямъ, говоритъ какъ бы про себя, или всторону: „небось легко ему божить, когда ужь онъ и такъ отцу спину распоролъ“—и подмигиваетъ публикѣ на него. Вообще же собственно объ игрѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, по отсутствію дѣйствія и движенія въ пьесѣ; поэтому я перехожу ко второй видѣнной мною комедіи, въ которой обнаружилось блестящее умѣніе этихъ „любителей“—низшихъ чиновъ—художественно воспроизводить знакомые имъ типы.

(Продолженіе въ будущемъ).

На дняхъ задушена здѣшняя богатая помещица Холяра. Производителіе слѣдствіе; подозрѣніе падаетъ на вѣчера и горничную г-жи Холяры, вѣ

[illegible]

